

Шедогуб Зинаида

Встречи у моря

Повести и рассказы

16+

Зинаида Шедогуб
Встречи у моря

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шедогуб З. И.

Встречи у моря / З. И. Шедогуб — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Этот сборник повестей и рассказов посвящён теме любви людей разного возраста. Его герои находятся в поисках смысла жизни и личного счастья. Многие из них добры и самоотверженны, любят землю, на которой живут.

Содержание

ВСТРЕЧИ У МОРЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

ВСТРЕЧИ У МОРЯ

Повесть

Лена любила отдыхать на берегу моря.

Волны сердито пенятся, ворчат и лижут крутой склон. О чём рокочат они? Что хотят рассказать? Но ей не понять их язык.

Кто-то сел рядом и опустил ноги с обрыва. Лена удивленно оглядывается: ему под тридцать, уже взрослый мужчина, таких она боится. Густые тёмные вьющиеся кудри, широкие чёрные брови, крупный, с горбинкой нос, блестящий, пронзительный взгляд.

– Откуда здесь взялся этот горец? Ему бы не в модной одежде щеголять, а скакать на коне с шашкой в руке! – сердито думает девушка, представляя, как нелепо смотрится она, белобрысая, с развевающимися на ветру тонкими волосёнками, похожими на пушинки отцветшего одуванчика, рядом с этим ярким, красивым парнем.

– Никогда не видел такого пейзажа! Ты, наверное, волшебница? – с лёгким акцентом спрашивает он и умолкает.

Кровавым пламенем пылает горизонт, разбрасывая искры по необъятному небосводу и ошметинившемуся от ветра морю.

– Как всё же красиво! – ещё раз повторяет он и пододвигается к ней поближе.

Лена, чувствуя магическое воздействие от его прикосновения, испуганно отодвигается.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Лена.

– Елена Прекрасная из русской сказки. А я Стефан. Здесь в командировке. Скоро поеду домой, в Болгарию. У нас тоже очень красиво. Приедешь – увидишь сама, – всё так же приветливо говорит Стефан и берёт её за руку.

– Какие у тебя нежные пальчики! Ты, конечно, не работаешь, а учишься.

– Да, – смущённо кивает девушка, почему-то скрывая, что учится в педагогическом училище.

Они сидят и молчат. Тепло из его ладоней переливается в её ладони, сладко волнуя.

– Ну, мне пора. Мама будет ругать, – чуть заикаясь от ещё неведомых ей чувств, лжёт она, пытаясь бежать от того, кто впервые нашел путь к её сердцу.

– Я проведу тебя, Елена!

– Нет! Нельзя! У меня такие строгие родители! – опять врёт она, хотя приехала в Ейск из станицы и снимает крошечную комнатку-клетушку в саманной хате, которая находится недалеко от моря.

– Хорошо. Познакомлюсь с твоими родителями позже, – уступает её просьбе Стефан. – Но завтра, вечером, жду тебя здесь же. Понимаешь: нам нельзя потеряться. Мне кажется, Бог только один раз в жизни устраивает такие встречи. Не придёшь – будешь потом жалеть. Нет! Будем тогда жалеть: никогда не чувствовал такого притяжения к девушке.

Лена кивает головой, и они стоят, взявшись за руки, не в силах расстаться.

– Иди ты первый! – предлагает она.

Стефан идёт по тропинке вдоль берега моря, а девушка смотрит, как постепенно уменьшается его фигура и исчезает в темноте.

– Вот и всё. Конечно же, завтра не пойду на свидание. Боюсь: не выдержу, отдамся. А что потом? Позор, одиночество... Ведь у нас нет будущего: он живёт в другой стране, а мне надо быть рядом с мамой. Без меня ей не выжить в пьяном аду. А Стефан не поймет, уедет – останусь у разбитого корыта. Лучше уж задушить любовь в самом зародыше, – думает Лена, возвращаясь на квартиру.

– Ах, гад проклятый! – бормочет во дворе хозяйка, Нина Петровна, как всегда, ругая своего покойного мужа. – Гад проклятый! Пятьдесят лет ему прослужила, дом, времянку своими руками построила, все забрал, осталась нищей.

– За что Вы его так? – спрашивает Лена Петровну.

– Десять лет прошло, а вспомню – всю колотит! Бачишь, яка я от горя страшная стала: кожа да кости. А вин, ну, сморчок старый! Одна лысина на солнце блестит да сморщенный нос горбатится среди морщин, а все туда же. Вдруг начал придирается: то готовлю плохо, то подаю не так, то противна. Никогда не бил раньше – стал убивать. Раз дал так, шо зубы повывлетали, нерв зацепил – ни зубы не вставлю, ни есть не могу, гад проклятый. Не пойму никак, шо с мужиком случилось? И в церковь ходила, и к бабкам – ничего не помогает. Потом на развод подав, гад проклятый. Отсудив времянку, полхаты, пол-огорода.

Лена открывает скрипучую дверь и прячется от хозяйки в крошечной комнатёнке: ей так хочется побыть одной, всё вновь обдумать, всё вспомнить. Может, Стефан и в самом деле прав: такая встреча бывает только раз в жизни.

Но Петровна следует за ней и садится у столика на единственный табурет. Она поправляет высохшими пальцами застиранную косынку и недовольно ворчит:

– Слушай: может, пригодится. Я тоже думала, шо буду вечно молодой. Была красивой розой, но вышла замуж – засохла: то надрывалась на работе, то разродиться не смогла – потеряла единственного сыночка, то кулаки стала нюхать... Вроде бы и не жила, а уже старуха. Пенсия – заплати налоги и подыхай, так шо приведу тебе девочку, шоб не скучно было.

– Нина Петровна! Мы так не договаривались. Тут же стать негде, лечь негде: на этой железной кровати и сплю, и занимаюсь, и гостей принимаю.

– Господь терпел и нам велел, – шипит старуха и, наконец, уходит в свою комнату.

Утром Лена просыпается от грохота. Это Петровна уронила ведро с водой и бурчит:

– Гад проклятый! Искалечил. Деточек своих не могу полить.

Деточки, девочки – розы, единственная слабость хозяйки, весело заглядывают в окна. Белые, красные, жёлтые, оранжевые, они приветливо стучат в стекло.

Лена закрывает подушкой ухо, чтоб не слышать надоевшее ворчание хозяйки, вспоминает Стефана и вновь испытывает к нему страстное влечение.

– Нет. Идти на свидание нельзя: только подумаю о нём и готова на всё. Лучше побреду на пляж, позагораю перед занятиями, может, и пройдет блажь. Последний год отучусь, выйду за кого-нибудь замуж, буду жить как все.

Она, пытаясь отвлечься, берёт лежащий на столе роман Жорж Санд «Консуэло», смотрит в книгу и спустя некоторое время бросает её на стул: что читать о чужой жизни, когда не знаешь, что делать со своей. Вытаскивает из-под подушки дневник и лихорадочно перелистывает его.

«Не могу жить дома. Устала от маминых слез, скандалов, пьяной улыбки отца. Надоело слышать мат. Боюсь за маму: без меня она долго не выдержит. Почему родители не разойдутся? Почему мучают себя и меня? Неужели я тоже буду так жить?»

Ура! Уезжаю учиться!

Думаю о любви, хочу любить, но боюсь мужчин, наверное, потому, что так несчастна моя мама».

Лена берет ручку и дописывает:

«Встретила мужчину-мечту.

Он тихо сел со мною рядом,

Он любовался морем и весной,

А может быть, и мной...

Но я боялась полюбить,

И к морю перестала я ходить...

Теперь сижу одна у моря...»

Все изображено точно: и прошлое, и настоящее, и будущее, кроме слова весна, другое не подходит. Снова бегу от парня, не плакать бы потом.

Лена закрывает дневник, прячет его от хозяйки и собирается на море.

На пляже не протиснуться: берег устелен разноцветными пледами, полотенцами, тряпками. Всюду валяются кульки, сумки, матрацы. На солнце жарятся обгоревшие отдыхающие, ковыряются в песке дети, малыши в распашонках сидят в воде, играют в мяч мальчишки, визжат девчонки.

Лена осторожно ступает в море. Тело так перегрелось, что вода кажется ледяной. Видя её робость, высокий незнакомец, нагло улыбаясь, толкает её.

– Придурак! Хам! Дебил! – в гневе кричит девушка. – Видала дураков, но такого встретила впервые!

Она стремительно плывет от берега, чтоб побыть наедине с морем и собой. Остаются позади одинокие пловцы, и только кто-то один продолжает плыть за ней.

– Нет, не догонишь, – хвастливо думает она, считая, что плавает превосходно, и все дальше уходит в море.

Пловец поплыл брассом и вскоре догнал её.

Из воды показалась голова: коротко стриженные темно-русые волосы, холодные, навывкате оловянные глаза, широкий тупой нос, упрямо сжатые губы.

Да это же тот незнакомец, которого Лена недавно обозвала. Она сжимается от дурного предчувствия и криво смеётся, пытаясь скрыть страх.

– Ну что будем теперь делать? – ехидно спрашивает парень. – Может, поплывем в Таганрог? Ты, я вижу, смелая.

– Поплывем... – кивает Лена, а сама думает: «Вот и все, дорогая... Побоялась встретиться со Стефаном – теперь достанешься этому уроду. И почему мне так не везёт? Бедная мама!»

Её воображение рисует картины одну страшнее другой: жизнь не раз давала ей уроки, а ума всё не прибавляется.

Она вспомнила, как однажды весной поехала с подругой Таней на велосипеде собирать подснежники в лесу, у Протоки. Было тепло. Солнечно. Только спустились с дамбы – сразу же попали на сказочную полянку, заросшую цветущими подснежниками. Молча, жадно стали рвать цветы и не заметили, что за ними наблюдают трое парней.

– Окружайте, хлопцы! Вяжите грудастую девку. Чур, я первый! А эту воблу сухую гоните, чтоб не мешала! – заорал старший, некрасивый коренастый парень, с мокрыми, спутанными волосами и выпирающими вперёд кривыми зубами.

От страха Лена выронила цветы и изо всех сил бросилась бежать на дамбу, где в кустах были спрятаны велосипеды.

– Всё: теперь ты пропала, зараза! – взвизгнул юноша, бросаясь за нею.

В два прыжка настиг жертву, повалил на землю, и Лена почувствовала, как грубые мужские пальцы шарят по её телу, пытаясь сорвать одежду.

Никогда не забудет она этих страшных прикосновений, этой животной страсти, охватившей парня. Не зная, как спасти себя, девушка впилась зубами в руку незнакомца и прокусила её. Он взвыл, как раненый зверь, и выпустил её из крепких объятий.

Лена на карачках поднялась наверх, схватила велосипед и помчалась за Таней.

И теперь она больше всего на свете боится, что вновь всё повторится: и эти грубые прикосновения, и это животная страсть.

Незнакомец плывёт, закрывая выход к берегу – Лена – параллельно ему. Кажется, они плавают вечность.

Уже солнце утонуло в море, и кровавые дорожки от последних лучей побежали к берегу, весело прыгая по волнам.

– Ну что тебе от меня надо? – прерывает молчаливую дуэль Елена. – Если что от меня хочешь, то уж лучше сама утону в море, а тебе не достанусь.

– Признаюсь: сам наглый, но наглых тёлок не люблю. Обид тоже никому не прощаю. Даже не можешь себе представить, как я хотел тебя наказать! Но ты все же смелая, а среди баб это такая редкость! Так что живи. Прочил немного и хватит. Поплыли к берегу.

Только теперь девушка почувствовала, как ослабела. Изо всех сил гребёт, а берег не приближается. Волны бьют в лицо, и всё чаще и чаще глотает горько-солёную воду.

– Может, помочь? – протягивает руку парень.

– Нет. Сама справлюсь.

– Ну и дура! Выплывешь – живи, – раздражённо говорит он и оставляет девушку в море. Темно. Страшно. Одни скользкие медузы сопровождают её до самого берега.

С трудом выползает Лена на пляж. Её, как пьяную, качает и рвёт. Ни платья, ни босоножек она не находит и в одном купальнике бредёт вдоль берега, думая о том, сколько глупостей совершила за один только день. Потеряла Стефана, единственного и неповторимого. Свою первую любовь. Могла утонуть, погибнуть.

В хате горит свет, значит, будут разборки. Ещё хуже, если приехали родители: увидят её в полной красе. Она стоит на пороге в синем полосатом купальнике, под глазами чёрные круги, в мокрых волосах причудливо запутались зеленовато-коричневые водоросли.

На неё с любопытством смотрит новая квартирантка. Из-под густых ресниц ехидно блещут глаза. Полные губы растянулись в улыбке. Темно-каштановые волосы веером рассыпались на подушке. Рядом на табурете сгорбилась хозяйка. Увидев Елену, она старчески всхлипывает и кричит:

– Пришла, шалава! Бесстыдница! Голая! Господи, шо матери твоей скажу! Да твой батько нас прибьёт... Насильничали, издевались над тобой?

– Да нет же! Просто украли одежду. Днём стыдно было идти раздетой, – оправдывается Елена, чувствуя, как нарастает раздражение: её злит беспардонность новой квартирантки, развалившейся на её постели, и грубость хозяйки, и собственная беспомощность.

– Вот такие, как вы, и жизнь мою сломали, – обращается Нина Петровна к излюбленной теме. – Помню: взяли як-то студентку. На тебя она, Алла, похожа, – так хозяйка наконец представляет квартирантку, – красавица, фигуристая, грудастая. Мой старый козёл умом тронулся: на развод подал, полхаты, времянку, пол-огорода отсудил, гад проклятый. Як вечер, стыдно глядеть: мечется от хаты к калитке, от калитки к хате, то на остановку пошкандыляет, то обратно. Любимую с занятий встречает. Ему и невдомёк, шо молодой жене от него только хата и нужна, а не песок в его моче. Побачил кавалеров, кинулся на них с палкой. “Это моя женщина!” – кричит. Подняли его хлопцы под руки, швырнули на лавку. “Заткнись, дед, не смейши народ: вот твоё место, сиди, не чирикай!” Опустились у него органы – умер мой мужик. И свою жизнь сгубил, и мою, гад проклятый...

– Можно мне всё-таки переодеться да лечь? Я устала. Голова так сильно болит, – недовольно прерывает хозяйку Елена, не представляя, как будет теперь жить: то хоть ночью можно было побыть одной – теперь она потеряла и эту привилегию.

– Можно, – кивает Петровна, бочком выбираясь из комнатки.

– Да ты не психуй, – по-доброму смеётся Алла. – Я мирный человек – тебе не помешаю.

– Ну, ставь свою раскладушку, а завтра посмотрим, – говорит Лена, лихорадочно натягивая на себя ночную сорочку. Она падает на постель и отворачивается к стене: у неё нет сил.

– Не хочу на раскладушке, киска: на кровати поместимся. Вон сколько места, – шепчет Алла, без разрешения ложится рядом, обнимает её, гладит и говорит, говорит... – Красивой тоже быть плохо: мне всё время парни не давали проходу, записки писали: «Ваши глаза, как

автомобильные фары, освещают мне жизненный путь» или «Хочу тебя»... Девчонки ненавидели меня. Мама Галя обзывала шлюхой: «Сука не захочет – кобель не вскочит.» Из-за неё и бросила школу, а ведь училась неплохо. Теперь буду на рынке торговать.

У Аллы нежные, ласковые пальцы, они медленно поднимаются от кобчика по позвоночнику вверх и запутываются в Лениных волосах. Она дует в затылок, тонкие волосы разлетаются во все стороны, и пальцы опускаются по спине вниз.

– Как Алла все же женственна! Как приятны её прикосновения! – засыпая, думает Елена.

Ей кажется, что рядом лежит Стефан и так горячо и страстно обнимает её, что тело пронизывает сладкая истома.

– Вечером пойду на море, может, придёт. Не могу, не хочу его потерять. Какая же я дура! – ругает себя Лена.

Наконец, крепкий сон сковывает её мысли и она теряет всякую связь с реальностью.

– Просыпайся, дочка! Харчи привёз. Господи, да тут вас две! – хохочет отец, Григорий Пивень, худощавый невысокий казак.

Проснувшись, Алла потягивается, бесстыдно оголяя большие, полные груди.

В тёмно-карих глазах мужчины загораются дьявольские огоньки: кажется, сейчас он набросится на девушку, забыв о присутствии дочери.

– Вот мужики кобели! – злится Елена: она ненавидит в отце именно это животное начало, то, что он никогда не скрывает своих желаний. – Нет, у меня будет другой муж-друг, верный и преданный.

– Может, вы выйдете, папа: нам надо одеться! – резко кричит она.

Лена надевает зелёное шёлковое платье, которое так идет ей, выходит из комнатёнки: в узком коридоре уже стоят мешки с картошкой и луком. Возле них суетится довольная Петровна: отец привёз ей и продукты, и деньги.

– Поедем домой на выходной: начнутся занятия, когда потом приедешь, – обнимая дочь, говорит Григорий. – У мамы Вари опять хандра: то рыдает, то поёт, совсем свихнулась баба.

– Меньше бы пьянствовали, гуляли, маму бы любили, – отталкивает отца Елена.

– Её полюбишь, – сердито сопит Григорий. – Так же брыкается, як и ты! Все вам не так! Любишь мать – залезай в кабину.

Гудит мотор. За окном мелькают тронутые позолотой деревья, одноэтажные дома, спешащие на работу прохожие.

– Вот и всё! Прощай, Стефан! Прощай, мечта! – печально думает Лена, глядя в окно.

– Фу! Слава Богу, выехали на трассу – можно расслабиться, – радостно смеётся отец, обращаясь к дочери. – Не люблю ваших городов: муравейники. Народ кишит, машины туда-сюда снуют. Ужас! А тут глянь: як красиво!

Перед ними раскинулась степь. Она была распахана людьми, но у обочин дорог и в низинах сохранилась ещё девственная природа: синеют в зарослях ягоды терновника и ежевики, ярко голубеют шаровидные купы соцветий кермека, сочно зеленеют камыш, осока и крапива.

– Давай, дочка, заспываем нашу, – предлагает Григорий и, не дождавшись ответа, громко запекает:

– Ой, ты, Грыцю, Грыцю,
Ты славный козаче.
За тобою Грыцю
Вся Украина плаче.
Плачут вси дивчата,
Плачут молодьци,
Шо немає Грыци
На ций вечерныци...

– Песня, папа, уж точно про Вас, – едко замечает Лена. – Сколько сама пела, а только сейчас поняла.

– Шо обижаешь? – съёживается Григорий. – Я ж вас с матерью люблю. А выпью с мужиками – дураком роблюсь: дерусь, варнякаю, гуляю... Повоюю – и опять шёлковый. Пить же мне нельзя: в сорок пятом восемнадцатилетним попал на фронт, шоферил. Раз подорвался на mine. Нас с грузовиком шмякнуло так, шо весь сорок шестой провалялся по госпиталям. Долго не мог вспомнить ни кто я, ни откуда. Выпью грамм, а дурею на целых пять литров.

– Так не пейте!

– Не получается: ты же знаешь кубанское гостеприимство. Пристают, угощают – отказываюсь, обижаются. В общем, слабый я! Не могу отказать людям. А потом и сам страдаю, и мать твоя злится, и ты.

Вот и родная станица. По заросшей спорышом дороге Григорий подъезжает к большой саманной хате. Под огромным грецким орехом у стола копошится его жена Варвара. Увидев грузовик, она радостно всплескивает руками и, как утка, переваливаясь с одной ноги на другую, пытается бежать к машине.

– Як бочка! Шо стало с бабой, – грустно думает мужчина. – А яка была красавица! Шо робе время...

Лена выпрыгивает из кабины и, плача, бросается к матери: у неё такие ласковые руки и такой понимающий взгляд, словно она уже всё знает и о Стефане, и о происшествии на море.

– Давно бачились, – иронизирует Григорий. – Наливай, мать, нам лучше борща: желудок без жратвы ноет.

Варвара вытягивает из кастрюли курицу с галушкой, разливает по тарелкам борщ, затем разрезает на блюде спелый, сочный арбуз, и все с аппетитом едят. А рядом ластится, ходит кругами боксёр-полукровка Цезарь, от радости слюнявит нарядное Ленино платье. Кот Васька, невзирая на пса, тоже трётся о ноги и мяукает.

– Как всё же хорошо дома! – думает Елена, наслаждаясь минутами покоя и счастья. – Можно я немножко посижу с удочкой? – обращается она к матери.

Варвара молча кивает, а Григорий укоризненно качает головой, хотя ему приятно, что дочка, как и он, любит рыбалку.

Девушка берёт удочки, ведро и по саду направляется к ерику. Груши под тяжестью плодов наклонили ветки вниз и бьют по плечам. Яблоки падают на потрескавшуюся землю.

Лена садится на шаткий деревянный мостик и ставит удочки возле камышовых зарослей. Сразу же клюёт, ведёт, тянет – пузатый карп летит по воздуху на берег. С земли стрелой взмывает Васька и нанизывает рыбу на коготь.

– Ну и нахал! А если бы поймался на крючок? – ругает кота девушка, хотя она давно привыкла к его проделкам: Васька не только снимает рыбу с крючка, но и может ловить её в ведре, абсолютно не боясь воды.

– Ну, есть рыбка? – спрашивает Лену мать.

– Есть, но показать не могу: вся в животе у Васьки.

– А я принесла тебе холодной водицы из колодца. Такой воды у вас в городе нет. Твой прадед Василий вырыв колодец, царство ему небесное. Прямо целебный источник. Полстаницы за водой приходят да прадеда твоего вспоминают. Бросай, дочка, свою рыбалку, а то до ночи просидишь.

– Пять минут – и буду дома!

– Знаю твои пять минут. Шо для батьки водка, то для тебе удочки, – грустно говорит Варвара, тяжело садясь на деревянную ступеньку и опуская на мостик отёкшие, со вздутыми венами ноги. – Не хотят мои лапоньки ходить, – печально улыбаясь, жалуется она. – А помнишь, дочка, як батько с поля привез степного орлика. Гольй, без перьев, гадкий: одна голова торчит да клюв раскрыт, есть ему хочется. Бросили его в кроличью клетку, стали зерно, хлеб

давать – не ест. Потом ты догадалась – стала живой рыбой его кормить. Начал расти, покрылся перьями, а як вырос, стал в небо глядеть, и плакать, и пищать. Улететь захотел. Открыли клетку – взмахнул крыльями, сел на крышу сарая, и до свидания, орлик. Так и ты, дочка, вылетела из гнезда. Все... Одна я теперь...

– Надо было вам больше детей рожать, – тихо говорит Елена.

– Да, надо. У твоей прабабушки Дуни их было, наверно, пятнадцать. Тогда казаки не гуляли с бабами и домой не приносили заразу. А наш Гришка по пьяни подарки не раз делал. Вот и женские проблемы. Сначала выкидыши замучили, потом вымолила у Господа тебя. Спасибо ему за это. Хотя б у тебя, Лена, детки были. Хоть внуков поняну. Ну, всё, дочка: комары кусаются, ходим в хату.

– А папка где? – сматывая удочки, спрашивает Лена.

– Поехал брату Петру помочь: отвезет перец да яблоки заготовителям. Обещал не пить, но выдержит ли, не знаю. Хороший вин мужик: работающий, ласковый, но выпьет – караул. А пьяных я ненавижу.

Лена поставила удочки в сарай и вошла в дом: мать в зале стелет постель. На подушку свалился гребень – густые чёрные волосы тяжело падают на полные плечи. Девушка нежно обнимает мать и шепчет:

– Какая вы красивая. А я на кого похожа?

– Та на бабушку Лизу. Така ж маленька. Така ж беленька. У Пивнив в роду крупных немае, не то, шо у нас, Кузубив. Оно и лучше: кому нужна такая, як я? Даже Григорий крутит носом. Так что не родись красивой, а родись счастливой.

– Как у нас просторно, уютно, не то, что на квартире. Комната – сад: в кадках фикусы, розы, на окнах – герань.

– Ты ж знаешь: цветы – моя слабость. Як умру, так могилку плитой не закрывай: цветы посади.

– Начали за здравие, а закончили за упокой, – прерывает Варвару дочь. – Вы хотите, чтоб я всю ночь не спала? И так живу в вечном страхе. Вон уже папка дверь выбивает. Видно, угостил дядюшка.

– Закрылась, зараза. Любовника прячешь! Убью суку! – кричит Григорий, разбивая окно на веранде.

– Боже! Як надоело: начинается концерт. Хотя бы дитя уехало! – с горечью говорит Варвара.

Лена спрыгивает с кровати, включает свет и выскакивает на веранду: повсюду разбитое стекло, и отец окровавленной рукой пытается открыть засов. Увидев дочь, он присмирел, растерянно улыбается и, шатаясь, проходит в дом.

– Ну и герой! – со злостью кричит Варвара. – Все воюешь с бабами. Сам гуляешь, а любовники мерещатся. Ружьём, паразит, угрожаешь. Да я сама боюсь тебя убить: ненавижу пьяных.

– Успокойтесь, мама, – перебивает Варвару дочь. – Что кричать! Лечить отца надо!

– Да, я больной, – показывая окровавленную руку, жалобно говорит Григорий. – Забинтуй её, доченька. Ты моя радость. А эта, зараза, убить меня хочет.

Лена делает перевязку и укладывает отца в постель, а Варвара с остервенением сметает разбитое стекло и вновь с кряхтеньем залазит на кровать. Говорить никому не хочется. Лишь иногда пьяный Григорий матерится во сне. Лена тяжело вздыхает и думает о том, почему так плохо живут её родители, почему в их доме поселилась ненависть. Нет, она выберет себе идеального мужа и никогда не допустит ни пьянства, ни измен.

Утром отец отвёз Лену на железнодорожный вокзал. Расстались холодно: Григорию было худо после выпивки и стыдно перед дочерью, а Лене надоело читать мораль: всё равно толку нет никакого.

Теперь она сидит в поезде и тупо смотрит в окно: на душе тоскливо. Не может привыкнуть к ссорам родителей, их вражде. Почему они мучают друг друга? Неужели нельзя разойтись? Эти вопросы не дают ей покоя.

А за окном природа, не лишённая гармонии: утопают в золоте садов хаты, разноцветными змеями ползут по земле лесополосы, по зелёным лугам бродят стада коров.

– Можно присесть рядом?

Она оглядывается: на полку без разрешения садится парень, спортивного телосложения, в военной форме. У него умные, выразительные глаза, длинный, чуть загнутый вниз нос, вытянутые в линию тонкие губы.

– Сергей, без пяти минут летчик, со Славянска наблюдаю за тобой. Ты необычная – решил познакомиться.

Сергей, конечно же, слукавил: он решил познакомиться не потому, что девушка очаровала его красотой – просто ему было тошно одному: приезжал домой свататься, а застал любимую женщину с другим. Такого коварства от своей Светланы никогда не ждал и был так зол, что готов был жениться на первой же встречной.

– Без пяти минут летчик, – вновь повторяет юноша, чтобы привлечь внимание девушки. – Могу даже жениться, да вот невесты ещё нет.

– Вот обманщик! С таким напором и чтоб не было невесты, никогда не поверю, – улыбается Елена. – Наверное, в записной книжке десятки адресов: хвастаешься своими победами. Видела такой блокнот у двоюродного брата.

– Я не веду записей, – нервничает Сергей. – Сейчас тебе докажу. Моё увлечение – самолёты. Вот смотри...

Сергей открывает портфель и вытаскивает папку с вырезками различных самолётов, с портретами лётчиков и авиаконструкторов.

– Вот моя коллекция. С ней никогда не расстанусь: всегда мечтал парить над Землёю. Ты даже не представляешь, какой это кайф: ты не человек – ты суперчеловек! Ты почти Бог! Стрелой взлетаешь в небо, молнией пронзаешь тучи, тебе подчиняется огромная махина – самолёт.

– А мне нравится Земля, – перебивает незнакомца девушка. – Здесь так хорошо и красиво. Не хочу лететь в небо. Не хочу покорять звёзды. Я земная.

Сергей, снисходительно улыбаясь, с жалостью смотрит на попутчицу и вновь объясняет ей:

– Нет. Ты ничего не понимаешь: за сто лет такой прогресс! От деревянных планеров до космических кораблей! Вот смотри: это дедушка русской авиации Борис Россинский на московском аэродроме в 1911 году, а вот Игорь Сикорский за штурвалом гигантского по тем временам самолёта «Илья Муромец». Как мужественны были эти люди! Да их имена должен знать каждый школьник! А вот трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. Более 60 немецких самолётов сбил он во время Великой Отечественной войны на истребителях Ла-5, Ла-7. А вот Александр Покрышкин. В годы войны он защищал небо Кубани. Что ни фамилия, то история отечественной авиации.

Раскрасневшись и отчаянно жестикулируя, он вытаскивает из папки всё новые и новые вырезки из журналов и говорит, говорит... Лена завидует ему и удивляется, как можно удержать в памяти такой поток информации. Её восхищают его ум, азарт, эрудиция, и Лена уже не видит ни его тёмного петушиного хохолка, ни большого острого носа, ни больших тёмно-синих глаз. Он не нахал, не циник, не грубиян – ей просто повезло с попутчиком.

– Всё, подъезжаем, – говорит Сергей, аккуратно складывая вырезки в папку.

Лена вытаскивает из-под стола сумку с продуктами, и парень подхватывает её и легко выносит из вагона. Девушка не успевает даже возразить.

– Я провожу тебя, заодно и познакомимся, – предлагает он, не давая ей опомниться и возразить. – Как тебя всё же зовут?

– Лена.

– Твоё имя легко запомнить: пришла из сказки. Ты, наверное, мудрая-премудрая...

Елена впервые хмыкает от этих эпитетов (мудрости, по её мнению, ей недостаёт) и пытается забрать сумку.

– Отстань: у меня такие строгие родители! – как обычно, лжёт она.

– Не надо обманывать: не идёт. Ты едешь от родителей: видел, как отец тебя провожал. Для мужа он староват... От меня тоже не отвяжешься: я так решил.

– Я так решил... Почему всё у нас решают только мужчины? – возмущается про себя Елена, совершенно забыв о том, как недавно сама могла выбрать парня, да испугалась.

Они идут по городу, ещё зелёному, чистому, тихому. У деревянного покосившегося забора на лавочке их ждёт Петровна. Увидев рядом с квартиранткой стройного симпатичного парня, она одобрительно машет рукой и предлагает ему присесть рядом.

– Сейчас не могу: опаздываю. К вам приду в следующий выходной, – коротко говорит Сергей, ставит на скамейку тяжёлую сумку и уходит.

– Вот и жених... – задумчиво шепчет хозяйка.

– Да ну его... – злится Лена. – Орёл! Пристал в поезде. Мне он не нравится...

– Шо тебе, девочка, надо? Парень рослый, сильный, с чутьём. Лётчик! Деньги будет зарабатывать. Да у нас в городе каждая девушка мечтает о таком женихе! А ты хочешь понюхать кулаки, як я? Это красивым нужны красивые... Вон Алка ночами шляется: шукает на жопу приключений. Бабы говорят, шо в городе появился насильник под чёрной маской. Все его боятся! Одни вы смелые! Не будем шалаву ждать. Пошли отдыхать, – недовольно бурчит Петровна, поднимаясь с лавки.

Лена тоже заходит в дом и сразу же падает на кровать: она чувствует себя такой уставшей и опустошённой, словно не спала несколько ночей.

– Завтра встречи с преподавателями и однокурсниками, а у меня нет сил. Алла перед утром приползёт и обязательно разбудит, – думает она, засыпая.

– Вставай, соня: занятия проспичь, – утром будит её Алла, весело сверкая карими глазницами. – С каким парнем я познакомилась, пока ты по станицам разъезжала! Красавец! Спортсмен! У него родители – известные хирурги. В общем, породистый! За мной зайдёт – познакомлю.

– Ой, Алка, долазишься, – вмешивается в их разговор вечно подслушивающая Петровна. – Бабы говорят, шо в городе банда появилась. В чёрных масках... Насилуют, грабят...

– Лишь бы было приятно, – хохочет Алла. – Ночами хожу – не видела ни одного насильника. Только собаки лают. А бабы деньги транжируют – потом сказки своим мужикам рассказывают.

– Ой, не каркай, девонька! Не накличь беду! – бурчит за дверью хозяйка.

Девушки быстро одеваются и бегут на автобусную остановку.

Лена всё же опоздала на занятия.

В аудитории за столами уже сидят нарядные однокурсницы и внимательно слушают методиста Петрову Ирину Ивановну, милую весёлую женщину, модную и раскрепощённую. Увидев опоздавшую студентку, она, улыбаясь, спрашивает:

– Елена Григорьевна, что самое важное для учителя?

– Любить детей, учить их и воспитывать и самой быть примером, – смущаясь и покрываясь алыми пятнами, отвечает она.

– Кто не согласен?

Девушки молчат, и только красавица Марина едко замечает:

– Не показывать детям своё смущение, управлять эмоциями, выглядеть представительней, самой не опаздывать на занятия.

– Марина Юрьевна, не все Ваши замечания мне понравились. Например, фраза «выглядеть представительней». Я бы не хотела, чтобы окружающие видели во мне только учителя. Не хочу потерять индивидуальность, творческое начало и вам не советую.

Как Вы, Елена Григорьевна, поступите, если Ваш муж пригласит Вас в гости, а у Вас не написаны планы и не проверены тетради? – вновь обращается Петрова к опоздавшей.

Студентка, чувствуя в вопросе подвох, несколько секунд молчит, потом неуверенно отвечает:

– Откажусь: буду готовиться к урокам.

– Если поступите так, потеряете мужа. Вот почему среди педагогов так много одиноких, несчастных женщин, а несчастный человек не может воспитать счастливую, свободную личность. Хотела бы видеть вас, девочки, лет через сорок. Какими вы все станете? Сохраните ли аромат, красоту, неповторимость? Или превратитесь в жалких старушек, нудно зудящих и всех обучающих. Скоро вы пойдёте в разные школы на практику. Чем вы удивите малышей? Что сделаете, чтобы дети слушали вас и запомнили? Напишите об этом, чтобы я могла каждой из вас помочь.

Лена наклоняется над тетрадкой и не может представить ни своих первых учеников, ни свой первый урок, ни себя в роли учителя. Наконец, она начинает писать:

«Я всегда мечтала быть учителем младших классов. Может быть, потому что родилась в станице и не знала о существовании других интересных профессий. А может, потому что люблю детей и хочу им помочь. Думаю, что не надо ничего особенного придумывать: просто надо искренне любить ребят. Они ближе к природе – их невозможно обмануть: сразу же почувствуют. Я буду на практике простой и естественной, и дети поймут меня».

– Дай, подружка, списать! Ничего не могу родить... Вот Ирка нас достала... Даёт невыполнимые задания. Хотя бы быстрее на свободу! – заглядывая в её тетрадь, тихо жалуется подружка Лиза, прозванная однокурсницами Гномиком за низкий рост. – Сама ничего не могу придумать.

Звенит звонок, и все с облегчением вздыхают и сдают работы.

– Ты, Лена, слышала, что в городе появился маньяк? – взволнованно спрашивает Лиза, широко раскрывая по-лисий хитрые, блестящие глазки.

– Да Петровна уже нас с Аллой запугала! С утра и до ночи сказки рассказывает. Но не верю я в маньяков. В нашем городке разве собака кого укусит, и это становится событием вселенского масштаба. Скучно – вот и выдумывают всякую чушь.

– А я боюсь: не хочу, чтоб первым мужчиной стал такой урод. Говорят, первый мужчина может повлиять на будущих детей.

– Ты, Лиза, всегда заглядываешь за облака. Может, мы не выйдем замуж и детей у нас не будет.

– Грех нам жаловаться: рядом военное училище – иди и лови любой масти.

– Поймала уже?

– Нет. Но сейчас поняла: пора.

Лена ласково обнимает подругу и смеётся. Ей нравятся её черты: открытость, честность и безыскусственность. Хочется рассказать Лизе о том, как познакомилась со Стефаном и Сергеем, но что говорить о том, чему не будет продолжения.

Чмокнув подружку в полненькую щёчку, Лена идёт по тротуару одна. Она любит одиночество: не надо напрягаться в поисках нужного слова и жеста, не скажет глупость, за которую будет потом стыдно. А самой себе можно многое простить. Под ногами шуршит листва, и ей хорошо, и она с упоением шепчет:

Листья летят, я ловлю их в ладони,

Листья покрыли и плечи, и ноги...
Хочется бегать, кричать, кувыркаться,
В золоте этом всё время купаться...
Жаль мне, что эту красу золотую
Дворник седой сгребёт и сожжёт.
А может, листочек ветер усталый
Поднимет, кружа, унесёт
В далёкие синие дали...
Листья летят, я ловлю их в ладони,
Листья покрыли и плечи, и ноги...

Настроение отличное, и Лена, придя на квартиру, с удовольствием готовит для всех ужин: жарит на сале картошку и поёт. У неё красивый голос, и в мечтах она иногда видит себя даже известной певицей.

– Распелась птичка певчая! – кричит ей с порога Алла. – Лучше выгляни из коридора и познакомься с моим парнем!

Лена поправляет причёску, выходит во двор и испуганно пятится назад: перед ней в дорогом костюме стоит мужчина, с которым она чуть не поплыла в Таганрог. Тот же крутой, упрямый лоб, тот же острый, как лезвие ножа, угрожающий взгляд, те же упрямо сжатые губы.

– Если кого и надо бояться в городе, так это этого морского волка, – думает она. – Нашла себе друга.

– Это мой Толик! Вы уже знакомы? – заметив немую сцену, удивлённо восклицает Алла.

– Нет, впервые вижу! – торопливо бросает парень, всё так же угрожая Лене взглядом:

– Только пикни – убью...

– Нет, – качает головой девушка, думая о том, как им не повезло: общаться с таким человеком опасно для жизни.

– Пойдёшь с нами на танцы? – приглашает Алла подругу, но Лена отрицательно машет головой: она мечтает лишь об одном, чтобы этот неприятный тип быстрее покинул их двор.

День был испорчен. Хотелось улиткой спрятаться в свой домик и никого больше не видеть. Но здесь это сделать невозможно, и Лена, взяв тёплую кофту, бредёт на своё любимое место к морю.

На берегу в этот час пустынно. Волны сердито бьются о берег, над морем с криками взмывают чайки, но эти крики и этот шум не раздражают девушку, а успокаивают.

– Вот ты где спряталась! – радостно восклицает Сергей, увидев Елену. – Спасибо хозяйке: подсказала, где тебя можно найти.

Он, в отутюженных брюках и белоснежной рубашке, надушенный одеколоном и тщательно причёсанный, присаживается на корточках рядом и, заглядывая ей в лицо, спрашивает:

– О ком мечтаешь, красавица?

– Просто смотрю, как бесятся волны, и ни о чём не думаю.

– В этом тоже есть своя прелесть.

Лену удивляет его проницательность: с ним можно молчать, и он всё понимает.

– Ты ждала меня?

– Нет.

– Значит, ждёшь принца на алых парусах, – иронично замечает Сергей.

– Может быть, мечтой живёт человек. Убери мечту – что останется...

– Что ты видишь в своём будущем? – вновь спрашивает он.

– У нас вечер ответов и вопросов, – наконец улыбается Лена, и её лицо становится прекрасным. – Вижу себя учительницей начальных классов.

– А я себя смелым лётчиком, – перебивает её Сергей, – а тебя моей женой. Детей футбольную команду, конечно же, мальчишек. Так что откроешь свой собственный класс.

Лену вновь поражает его настырность, и она недовольно говорит:

– Что ты ко мне пристал? Живу и никого не трогаю. Не хочу я замуж: ещё не созрела.

– Это мне в тебе и нравится! Ты не вешаешься парням на шею. Ты гордая. Надоело: два слова скажешь – тащат в ЗАГС. Приедешь к нам в гости – мать сразу расскажет всё и о моей невесте, и о свадьбе. Мать у меня такая: если что знает, то об этом узнает весь Славянск. Пойдём, Лена, проведу тебя домой. Устал сидеть на корточках: ноги затекли.

Сергей легко вскочил на ноги. Он строен, высок, рядом с ним Лена кажется девочкой-подростком.

– Может, ты всё же простишь свою невесту, – робко предлагает Лена. – Ведь если ты её любил, то никого больше не полюбишь: сделаешь и себя несчастным и ту, на которой женишься.

– Значит, тебя... Скоро ты познакомишься с моими родителями.

Лена останавливается, умоляюще смотрит на Сергея и недовольно шепчет:

– Не надоело тебе болтать! Это в первый раз смешно, а потом грустно. Я не виновата, что у тебя личная трагедия. Сочувствую, но ничем помочь не могу. Расскажи о своих самолётах: это лучше у тебя получается.

– Согласен: ещё рано знакомиться с родителями. Сначала привыкни ко мне и к мысли, что будешь моей. Я так решил, а если принял решение, то его изменить невозможно. А о самолётах я тебе потом расскажу.

– Пристал как банный лист, – раздражённо думает Лена, не желая больше спорить с Сергеем. Она молча идёт по тропинке, тщетно пытаясь вырваться из его железных объятий, наконец, не выдерживает и кричит:

– Ненавижу насилие! Отпусти, оставь меня в покое: у меня есть жених.

– Где же он? Покажи? – хмыкает Сергей.

– В армии...

– Ты удивительная лгунья! Беда твоя в том, что я ложь, как собака, чувствую, так что этот номер у тебя не пройдёт. Не шуми и не царапайся: не страшно. Нет у тебя никакого парня, не знаю, в чём причина (я разберусь), но мужиков ты боишься как чёрт ладана и от любви бежишь. Если б не я, так и осталась бы старой девой. Вот сейчас тебя поцелую, и это будет твой первый поцелуй, моя дикая кошечка.

Он чмокает в нос и в губы ускользящую от поцелуев девушку и весело говорит:

– Ты такая нежная, ласковая – мне очень повезло. И так приятно пахнешь! Спасибо, милая, за прекрасный вечер!

Лена, как птица, вырывается из его ладоней и бросается к дому.

Бешено бьётся сердце. Горят на устах и щеках нежеланные поцелуи. Душу терзают противоречивые чувства: внимание и ласки приятны – насилие – отвратительно. Девушку вновь и вновь поражает пронизательность Сергея. Почему он так легко понимает её? Неужели она так проста и глупа? Почему он так легко прочитывает страницу за страницей из книги её жизни, почему для него нет тайн? Если бы Стефан так понимал её, они были бы вместе.

– И ведь прав Сергей: боюсь любви, страшусь мужчин, – думает она, засыпая.

– Лена, как мой Толик? – будит её на заре Алла.

– Толик злой – брось его.

– Поздно, подружка, поздно! Была у него в доме: шикарно живёт! В общем, из грязи попала...

– Не комплексуй, Света: он мизинца твоего не стоит. Он дерьмо – ты золото. Да ну их, мужиков! Давай лучше хоть пять минут поспим! – сквозь сон бормочет Лена и снова засыпает под шёпот Аллы, восторженно рассказывающей о женихе.

Лена с удивлением наблюдает за Аллой.

– Неужели любовь так преображает людей, если даже полюбишь козла? – думает она, восхищаясь красотой девушки.

Алла очень изменилась: в глазах появился какой-то странный блеск, лицо стало необыкновенно нежным, улыбка – загадочной. Движения – мягкими и женственными.

– Я ошибалась: твой Толик – волшебник: ты с каждым днём становишься всё красивее, – замечает она.

– Да, мой волшебник сделал меня беременной, – шепчет, чтоб не услышала Петровна, Алла, – и теперь не знаю: радоваться мне или горевать. Если Толик женится, то это радость. Если нет, то горе: Галя меня съест. Знаешь, Лена, сегодня моей мамане день рождения, надо бы поехать, но боюсь: она догадается... Выручи, подружка... Поедем вместе – ты будешь её отвлекать, может, и обойдётся.

– Хорошо, – соглашается Елена, удивлённая этим известием.

Через два часа они уже стояли на пороге большой саманной хаты, покрытой красной черепицей.

Из сеней выглянула женщина лет сорока пяти. Из-под яркой, усыпанной алыми маками косынки выглядывают чёрные, украшенные серебряными нитями волосы. Из-под густых бровей пронзительно строго глядят тёмно-карие очи.

– Нагулялась! Наконец-то вспомнила о матери, – укоризненно говорит женщина и приглашает их в комнату.

Здесь чисто и уютно. Везде: на комод, старом диване, столе и кровати – лежат белоснежные, вязанные крючком накидки. На столе на блюде – румяные пирожки.

– Угощайтесь, – приглашает к столу хозяйка и обращается к Елене:

– В кого она такая гулящая? Я воспитывала её правильно, жизнь ей посвятила – и вот благодарность. Только сынок Гена меня и радует: отличник, с золотой медалью школу закончил, учится в медицинском институте, а эта? Одни мужики на уме! Школу бросила, специальности нет... Того и гляди: в подоле кого принесёт.

Лена видит, как алеют у подруги щёки, как она прячет от матери взор, и пытается перевести разговор в другое русло.

– Расскажите о Гене: он такой у вас красавец! – рассматривая висевший на стене портрет, говорит она.

Лене нравятся люди с такой яркой красотой. Наверное, в роду были греки.

– Что Гена? Хороший парень, за него не стыдно, а эта...

– Мама, – перебивает её Алла, – нам пора. Лене завтра на учёбу – мне на работу. Доругаешь меня в следующий раз. Поздравляем тебя с днём рождения. Дарим тебе духи. Прости, что я не такая правильная, как ты и твой Гена.

Видя, как поднимается из-за стола дочь, мать оторопела: ей так хотелось выговориться, излить обиду на непутёвую дочь, её упрямство и своеволие. Но Алла опять ускользала от неё, уезжала в ненавистный ей город.

– Ну что? Познакомилась с моей Галей? – спросила подругу Алла, когда они вышли из хаты. – Ещё моего папашу Ваню не видела. Тот вечно молчит, а сам прячется от жены на ферме, готов там жить, лишь бы не слышать, как она зудит. Разогнала всех из дома, вечно всем недовольна: «С деревенскими детьми не играй: они плохие. Мы не такие, как все». Корчит из себя деревенскую интеллигентку. Порой ненавижу её...

Едва девушки вышли на трассу, остановилась «Волга» и мужчина лет пятидесяти предложил их отвезти в город.

Всю дорогу он приставал к Алле, предлагал ей встречаться и вел себя так, словно в машине не было посторонних.

– Да, – грустно думала Лена. – Меня мужики даже не видят, словно я невидимка, а я ещё носом верчу, Сергея отталкиваю. И кому нужен божий одуванчик? Слабый. Невзрачный. Ветер дунет – и разлетятся семена-пушинки по свету, чтобы весной вновь зажелтеть на зеленой траве.

В городе не умолкают разговоры о маньяке, обрастая всё новыми и новыми подробностями. И юные, и пожилые рассказывают небылицы о человеке в чёрной маске: одних он щадит и одаривает – других грабит и насилует. И хотя Лена скептически относилась к сплетням, но, когда увидела поздним вечером идущих ей навстречу мужчин, не на шутку испугалась.

– Что же мне так не везёт? – с тревогой подумала она.

– Не бойся, Лена, – издали закричал Сергей, чтобы не испугать девушку, – ты под охраной лучших лётчиков России. Хотел друга познакомить с тобой и Аллой. Скоро на Север работать поедем – одиноким там тоска. Знакомься, Юра, вот моя малышка Лена, – подойдя поближе, попытался обнять её он.

Девушка слушала Сергея и по-прежнему удивлялась его напористости:

– Третий раз встречаемся, а ведёт себя так, словно женат на мне.

Ей неловко при незнакомце: может подумать, что у них близкие отношения, и Лена резко отстранилась от Сергея.

– Вот такие мы! Брыкаемся! Бодаемся! Но лётчики трудностей не боятся, не так ли, Юра? – весело засмеялся он. – Пойдём, друг, проведём невесту на квартиру, может, и Аллу по дороге встретим.

– Когда, наконец, этого бандита поймают? – с тревогой спросила Елена.

– Сети расставлены: везде дежурят милиционеры, казаки и военные. Скоро рыбка попадётся на крючок! Где-то Зорро проколется. И так он долго скрывается, потому что невнимательны люди, не чувствуют ложь, фальшь, злобу. Ну, хватит говорить об этом ненормальном: лучше познакомься с моим другом. Юра – мой одноклассник. Вместе мечтали о небе, вместе готовились к экзаменам, вместе привыкали на первом курсе к тяготам военной жизни, всё вынесли, будем служить в северной авиации.

Лена посмотрела на Юру. Он чуть выше среднего роста, неширок в плечах, худощав. Её поразила его немногословность: говорит только Сергей, а Юра иногда кивает головой или в знак согласия хмыкает. Возле дома девушка поблагодарила ребят за то, что её провели, и пожелала им спокойной ночи.

На скрип входной двери бросилась хозяйка и злобно зашипела:

– Одна дура уже час причитает, и ты догуляешься.

– Что случилось? Толик бросил? – с порога спросила Лена.

Увидев подругу, Алла зарыдала ещё сильнее:

– Как гомно, так и к нашему берегу! Какой позор! Я пропала!

Такой Лена никогда её не видела: глаза красные от слёз, на щеках и груди тоже алые пятна.

– Что ревьешь? Что за трагедия? – вновь спросила она.

– Носились с Толей по городу на мотоцикле. Захотелось мне пить, зашли в ресторан, Толя заказал фрукты, воду, шампанское, конфеты. Сижу, жду признания в любви, мечтаю о замужестве. Даже не заметила, когда в ресторане появилась милиция. С криками накинулись на наш стол, словно мы какие-то террористы, – сквозь всхлипывания произносила Алла. – Швырнули на пол Толю, скрутили его, надели наручники и арестовали. Я тоже побывала на допросе. Какой позор! Дружила и спала с бандитом! Дитя от бандита! Права была мама: гулящая я! Теперь позор на весь город, аборт! Другого пути у меня нет!

– Не пори горячку: утро вечера мудренее. А сейчас раздевайся, ложись, попробуй заснуть. Не получится – дам валерьянки, – пытаюсь успокоить подругу, сказала Елена.

Лена заглянула в первую палату гинекологического отделения больницы. Аллу только что привезли из операционной и переложили на кровать.

Она лежит на спине, неловко поджав ноги. Сквозь пододеяльник чётко просматриваются острые колени, небрежно брошенная поверх него рука нервно подрагивает, и тонкие красивые пальцы ритмично подпрыгивают и опускаются.

– На животе грелка со льдом – через тридцать минут снимете её. Следите за больной, не давайте ей спать. Не известно, как поведёт себя после наркоза организм. Может, будет тошнить, – даёт Елене советы врач-анестезиолог и пытается разбудить Аллу.

– Всё почистили, хорошо почистили? – с усилием приподнимая веки, спрашивает она, наверное, не соображая, что перед ней стоит мужчина.

Её красивое лицо пожелтело, а под глазами появились чёрные круги.

– Не волнуйтесь: всё сделали хорошо, – отвечает молодой врач и уходит.

Лена впервые находится в гинекологии, и ей почему-то стыдно.

Она постоянно тормозит Аллу и уже в десятый раз слышит один и тот же вопрос:

– Меня уже почистили?

Наконец, больная стала отходить от наркоза, и у неё появился осмысленный взгляд.

– Что ты одно и то же твердишь? – возмущается Лена.

– Тут всё может быть! Вон в углу на кровати спит Валя, – взволнованно шепчет Алла. – Ей уже делали аборт. Еле вышла из наркоза, а теперь оказалось, что у неё внематочная беременность. И снова будет операция. Не хочу больше мучиться! И так чувствую себя убийцей! Но, говорят, нельзя мне было рожать: наградил возлюбленный разной заразой. Лечиться ещё долго буду. Господи! Почему это случилось именно со мной? Почему влюбилась в такого ублюдка? А ведь как я хотела быть счастливой! Была такой весёлой! И всё мне радостно: как птички поют, как солнышко встаёт, как свежий ветерок колышет деревья и морщинит в речке воду. А сейчас жить не хочется...

– Как говорит моя мама Варя, Бог даёт человеку столько испытаний, сколько он может выдержать. Всё, милая, пройдёт, время лечит, – успокаивает подругу Лена. – Ты ещё будешь счастлива.

Депрессия накрыла Аллу чёрным покрывалом, отняла радость. У неё осталось одно желание: кротом забиться от всех подальше, спрятаться в свою норку и никого не видеть. Воскресенье, но выходной не радуется: она тупо смотрит в окно и не видит ни поникших от первого заморозка роз, ни опавших с вишни красно-жёлтых листьев. Да и куда ей идти, если её замучили следователи, а в местной газете появилась статья «Преступник пойман!», где есть несколько строк и о ней: «У преступника несколько лиц: одно – достойный сын интеллигентных родителей; другое – внимательный, заботливый парень (так отозвалась о своём женихе его невеста Алла Н.); третье – бессердечный насильник и вор. Какая маска настоящая? Как родители, школа, знакомые и, наконец, невеста не разглядели истинное лицо преступника?»

– Да, я не разглядела... – корит себя Алла. – Мечтала о семье, о счастье, о благополучии... Подарки. Рестораны и кафе. Носилась на новеньком мотоцикле. Думала, что поднялась на вершину, поднялась, да больно падать. Хорошо, хоть Петровна в больнице, а то бы выгнала меня к чёрту.

– Вставай, лежебока! – обнимает её за плечи Лена. – Я уже проведала хозяйку. Материт своего «гада проклятого» страшно. Наверное, злостью и живёт, хотя это так вредно для здоровья быть злым и злопамятным и в Библии написано, что надо прощать даже врагам. Вставай, – поднимает она подругу с постели. – Сергей и Юра стоят во дворе, зовут нас пройтись на море. Говорят, что вода снимает депрессию.

Алла нехотя встаёт с кровати, но всё же по привычке подходит к висящему на стене овальному зеркалу, надевает коротенькую узкую юбочку и белый, подчёркивающий фигуру

свитер, расчёсывает пышную гриву волос и стягивает их резинкой, подкрашивает ресницы и губы.

– У тебя просто тропическая красота! – восхищённо шепчет Елена. – Была бы мужчиной – влюбилась!

– Не родись красивой, а родись счастливой, – замечает Алла. – Везёт не нам, красавицам, а бледным поганкам.

– Вот и в мой огород брошен камешек. Да, острый язычок у моей подружки.

Когда девушки появляются на пороге дома, ребята подносят им хризантемы и целуют руки.

Молодёжь медленно идёт к морю. В плохую погоду оно бывает тёмным и холодным. Злой ветер подхватывает волны, и они тяжело бьются о берег, в изнеможении откатываются назад и вновь набрасываются на него и рассыпаются на мелкие брызги. Кипит и пенится море, и можно часами смотреть на волны и слушать гул моря.

– Расскажи, почему ты стал лётчиком? – обращается Алла к Юре.

От неожиданности парень смущается, но потом, мило улыбаясь, произносит:

– Я уже родился лётчиком: отец назвал меня Юрием в честь первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Везде в доме его портреты. Первая игрушка – самолёт. Разговоры о небе, о космосе. Папа мечтал летать, а воплотил мечту во мне. Мне кажется, что я даже похож на великого лётчика. В общем, с первого дня жизни потерял свою индивидуальность...

– Завидую вам: ты и Серёжа такие умные, у вас такие необыкновенные мечты, а мои интересы – сбежать от матери. Вот и сбежала...

– Не грусти, Алла, – дружно успокаивают её юноши. – Жизнь ведь только начинается... Можно ещё несколько институтов закончить, осуществить любую мечту, лишь бы она только была. И запомни: у тебя есть настоящие друзья. А русские лётчики своих друзей в беде не оставят.

– Ну и ветрище! Продрог! Предлагаю идти назад. Попью чайку с шоколадом. У меня в пакете есть запасы, – хитро улыбаясь, предлагает Сергей. – Погреемся и о Севере расскажу. Там тоже холодно. Но какая там природа! Хочу, чтоб вы заочно в неё влюбились и поехали с нами. Да, Юра? – обращается он к другу.

Тот согласно кивает головой и бережно берёт Аллу за руку.

– Вот так лётчики делают предложение, – с иронией думает Лена, а Алла гордо поднимает голову: выход найден, она уедет из этого города, где была опозорена, выйдет замуж, начнёт новую жизнь. Она крепко сжимает Юрину руку, обещая пожатием, что будет самой верной, самой прекрасной женой на свете и отблагодарит того, кто вытащил её из грязи.

Поезд, монотонно постукивая, быстро бежит по рельсам. В вагоне на нижней полке рядом сидят Лена и Серёжа. Девушка удивляется тому, как Сергей узнал о её поездке домой. Кто её предал, хозяйка или подружка? Юноша грустит: возвращение домой – воспоминание о Светлане, а боль ещё не прошла. Да и с Леной ничего не получается: время идёт, скоро в училище выпуск, а там не за горами и работа на севере, а Лена по-прежнему холодна и так же далека, как и в первую встречу. Вот и сейчас так рассматривает его коллекцию, словно готовится к экзамену. А сама, наверное, не сможет отличить военный самолёт от гражданского.

– Интересно? – с иронией спрашивает Сергей.

– Такой малюсенький самолётик!

– Это истребитель Яковлева. Во время Великой Отечественной он постоянно модифицировался. Сотни гитлеровских самолётов сбили наши лётчики на ЯКах. Ну, закрывай портфель, давай поговорим.

– О чём? – осторожно спрашивает Лена.

– Понимаешь, – отвечает Сергей, – у меня сегодня день рождения. Хотел бы, чтобы ты сделала мне подарок: зашла к нам на полчаса в гости. Отмечать такие даты у нас не принято, но мне будет приятно.

– Мы и так с тобой в дороге будем несколько часов. Чаю попьём, у меня есть пирожные.

– Выполни мою прихоть, – просит Сергей. Ему так хочется одним махом уничтожить привязанность к Светлане, навсегда забыть о ней, начать с Леной новые отношения. Он страстно сжимает её ладонь: готов любить девушку, быть верным и заботливым. – Приедешь? Сделаешь мне подарок?

Лена кивает головой, чувствуя, что молчание затянулось и стало неуместным. Конечно, Сергей не Стефан, но парень порядочный, такими грех бросаться.

– Смотри, Лена, – выглядывая в окно, говорит он, – какое сегодня лазурное небо, а на горизонте белые облака, как горы. Некоторые похожи на статуи людей, некоторые напоминают гигантских зверей. А представь, как здорово кружить на самолёте над ними. Не хватает слов, чтобы об этом рассказать. Ну, давай пить чай с пирожным, и время пройдет быстрее.

С вокзала домой поехали на такси. Машина остановилась у ярко-зелёного забора. Под беседкой, увитой виноградом, у грубо сколоченного стола стоит в тёплом шерстяном платье старая женщина и что-то готовит.

– Мама! – открывая калитку, радостно кричит Сергей. – Встречайте гостей! Я приехал с невестой Леной!

Женщина не спеша вытирает мокрые руки о подол пестрого фартука и внимательно разглядывает гостью.

– Да у моего сыночка подруг хоть отбавляй! То Райка была, то Светка замуж просилась... Водки наварила, вина наделала... Теперь мужинёк проходу не даёт: «Налей, сударыня, стаканчик!» Замучил.

– Мама, – перебивает её Сергей, – Вы решили сразу обо всех девушках Славянска рассказать моей невесте. Зачем? Что было, то прошло. Лучше покормите нас: всё же у меня день рождения.

– Садитесь, гости дорогие, жаркое из уточки попробуйте! А вот и сударь явился...

С крыльца с сетью в руках спускается отец Сергея, Иван Фёдорович, высокий лысоватый мужчина, который рядом с дородной женой кажется худым.

– Сударыня, милая Анастасия Петровна, – обращается он к супруге, – у нас желанные гости! Налей графинчик винца!

– Тебе лишь бы очи залить, – сердито ворчит она, но всё же выносит из сарая графинчик красного вина и наполняет гранёные стаканы. Сладко пахнет изабеллой. Серёжа изящно берёт стакан и взглядом благодарит мать.

– Как же он не похож на своих родителей! – удивляется Лена. – Мать слишком проста: говорит о том, о чём надо бы помолчать. Отец хитрее, но любит выпить, а Сергей другой. Сколько же он работал над собой!

– Ты знаешь, – обращается Анастасия Петровна к гостье, – як сынок мне достался? Я уже старая, повернуло на полтинник, а тут брюхо стало расти. Ну, думаю, умираю: опухоль, рак! Через девять месяцев родила свою опухоль. Маленький... Слабенький... Кушает плохо, вечно плачет, вес теряет... Я и в церковь его носила, и к бабкам. Господи, – прошу, – пусть или живёт, или забирай его к себе. Стал хлопец кушать, вес набирать. Вон який богатырь вырос, – с гордостью говорит она и спрашивает Лену:

– А ты где живешь?

– Рядом, в станице.

– Спасибо Вам за угощение, – поднимаясь из-за стола, благодарит родителей Сергей. – Я провожу невесту.

Он подошёл к покрасневшей от смущения девушке, левой рукой подхватил сумку, правой взял за руку и повёл её к калитке.

– Леночка, подари мне несколько минут – покажу тебе ещё одно чудо.

Они завернули за угол двора и направились к дамбе, на берег Протоки.

Внизу, у небольшого причала, бьётся о берег деревянная лодка. Несколько верб моют кроны в холодных водах. Стройные тополя роняют в воду золото, и листья, выстроившись в ряд, бегут по волнам и пропадают в водоворотках. По тёмно-серым волнам несётся парусник.

– Смотри, как красиво! А несколько веков назад по этой реке плыли греческие и турецкие корабли и город мой носил другое название – Копыл. Кто тут только не был: и греки, и ногайцы, и татары, и турки... К пристани причаливали многочисленные суда. Здесь торговали рыбой и солью. В 1778 году сюда прибыл генерал-поручик Александр Суворов и приказал укрепить крепость. В общем, Славянск имеет славную историю – можно о нём рассказывать бесконечно. А какие бои здесь гремели в годы Великой Отечественной войны! Весной 1943 года девятая и тридцать седьмая армии пытались форсировать Протоку, но фашисты шквальным огнём срывали одну переправу за другой, и сколько солдат потонуло в реке, кто считал? И только 21 марта бойцы закрепились на этом берегу, а затем освободили станицу¹ от врагов. Мой отец ночью на самодельном плоту, скрываясь от пуль за кучей камыша, перебрался на эту сторону реки. Так он спасал своих родных, свой дом.

Вот здесь, в этом городе, на этом берегу Протоки, и прошло моё детство. Тут я мечтал о небе, рыбачил, встречался с девчонками. Если б не стал лётчиком, то был бы моряком.

– Серёжа, мне пора ехать, – прерывает рассказ юноши Лена. – Хочу маму увидеть: живёт во мне вечный страх за неё.

– Хорошо, милая. Сейчас сядем на попутку. Тридцать минут – и ты дома.

– Прошу тебя, Серёжа: не надо меня провожать. У меня такие строгие родители.

– Лена, кончай эту песню. Уже не смешно: надо что-то решать, у меня не осталось времени. Сегодня хочу познакомиться с твоими родителями. Не пойму, чего ты вечно боишься?

Девушка и сама не знает, чего боится. С Сергеем уютно и надёжно: он настоящий друг. Но к нему не испытывает той безумной страсти, которую почувствовала к Стефану. И это её пугает. Полюбит ли она его? Будут ли они счастливы?

Домой Лена пошла берегом, надеясь, что здесь, в зарослях калины, вишни и акации, их никто не заметит.

У колодца к ним бросился Цезарь. Увидев незнакомого мужчину, он озверел: злобно оскалился, залаял, глаза налились кровью.

– Фу, свои! – закричала девушка, но пёс, обычно добрый и ласковый, её не слушал. Пришлось посадить его на цепь.

– Не надо выходить замуж: даже пёс против наших отношений, видно, чувствует мои несчастья и не принимает жениха, – про себя усмехнулась Елена.

– Кто тут? – выглянула на лай собаки Варвара.

Из-под белоснежной батистовой косынки выбились колечки чёрных волос и кокетливо упали на полные плечи.

– Роскошная тётца, – в упор рассматривая женщину, подумал юноша. – Скорее она могла бы быть матерью Светланы, а не Лены. Как же они непохожи!

– Мама, это Серёжа. Познакомилась с ним в поезде. Пошёл провожать...

– Неправда, Лена. Мы давно уже знакомы. Ты, как всегда, лжёшь, а ещё учительница. Как детей будешь воспитывать?

– Ну, ребята, – по-доброму рассмеялась Варвара, – ещё не женаты, а лаетесь уже по-семейному. Сидайте лучше за стол, угощу горячими пирожками с капустой и картошкой.

¹ В 1958 г. станица Славянская получила статус города.

Сергей помог женщине накрыть на стол, а Елена только с удивлением наблюдала, как быстро и ловко он это делает.

– Вкусно вы готовите, – поев, похвалил Сергей Варвару. – Хотел с вами давно познакомиться. Григория Алексеевича видел на вокзале, а вас нет. Сам я из Славянска, выпускник военного училища, предлагаю руку и сердце вашей дочери, обещаю беречь и любить её, пока смерть не разлучит нас.

У Елены от этих слов заалели щеки, и она со злостью воскликнула:

– Не слушайте его, мама! Вот пристал, не отлепишь! Они, военные, все такие! Нужна прачка, кухарка! Хватают первую встречную и женятся на ней.

– Да я лучше любой женщины и постираю, и приготовлю! Ты хоть знаешь, что лучшие кулинары в мире – мужчины? А вот родить дитя я, конечно, не смогу! Так что жена нужна для другого! Ты уже взрослая и должна это понимать! – обращаясь к девушке, горячо возразил Сергей.

Он встал из-за стола, попрощался с женщинами и берегом пошел в центр станицы на вокзал.

– Неплохой хлопец, – задумчиво сказала мать. – Самостоятельный, обходительный... Лишь бы не пил, не дрался, як наш Гриша. Не хочу, доню, тебе такой же судьбы, як моя.

– Не знаю, мама, что и делать: умом понимаю, что лучше парня не найду. Но он лёгчик, поедет куда-то на север, а я без Кубани не могу и вас как брошу? Уважаю его, но не люблю.

– Ох, дочка, я Гришу вроде любила. Не раз по морде давал, матом не раз посылал, и куда она, любовь, подевалась? Будет жалеть – полюбишь! Любовь может и родиться, и умереть, все от нас, людей, зависит.

Елену с лекции вызвали к директору педучилища.

– За что? – спрашивает она себя. – Учусь хорошо, занятия не пропускаю.

Директор, Бондаренко Константин Никитич, широкоплечий седовласый мужчина лет пятидесяти пяти, оценивающе рассматривает её, видно, решает, справится ли студентка с его заданием, потом говорит:

– Елена Григорьевна, мой друг, директор средней школы №3, попросил прислать на практику лучшую выпускницу факультета начальных классов. У него ЧП: учительница-пенсионерка по состоянию здоровья среди года ушла. Замещение уроков ведётся, но это не выход: дети совсем разболтались, так что вы попробуете себя как учитель. Получится – вы не ошиблись в выборе профессии. Нет, значит, будете продолжать поиски.

На квартиру, в комнатку-клетушку, Лена приходит окрылённая, обнимает Петровну и кричит:

– Меня пригласили временно работать в начальных классах! Какая я счастливая! Сейчас буду готовиться к урокам!

Она старательно пишет планы, подбирает интересные рассказы и сказки, обдумывает каждое слово, чтобы удивить ребят. Утром встаёт на рассвете и первой приходит в школу.

– Вот ваша новая учительница Елена Григорьевна, – представляет её детям завуч начальных классов и уходит.

Двадцать семь человек с интересом изучают молоденькую учительницу. Стоит тишина. Затем по классу прокатился гул, и Елена, напрягая голосовые связки, кричит:

– Откройте буквари: проверю ваше чтение и познакомлюсь с вами. Отвечает Осипенко...

Одновременно поднимаются близнецы Оля и Света, в коричневых платьях, черноволосые, черноглазые, их не различает даже отец. Читай ты, Света, – кивает она им, хотя ясно понимает, что девочки могут её и обмануть, если, конечно, захотят.

За близнецами читает Анжела быстро, выразительно, как взрослая, видно, родители много внимания уделяют ей, но в школе она чувствует себя неуютно: ни с кем не общается,

боится пошевелиться, руки всегда правильно сложены на парте. Её сосед Женя такой же домашний ребёнок, пухлый, робкий, флегматичный. Сзади его пихает ручкой Олег, но он терпит и не жалуется.

С последней парты поднимается рослый мальчик и без разрешения направляется к двери.

– Куда ты идёшь? – растерянно спрашивает его учительница.

– Ромка бежит в туалет! У него недержание мочи! – дерзко хохочет Степан, рыжий юркий коротышка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.